

Профессия

Он учитель истории и обществознания в магнитогорском академическом лицее. И очень уважаемый педагог – как коллегами, так и учениками, что ещё более впечатляет. При этом ему всего 23 года, но уже пять лет педагогической работы за плечами: вожатый, воспитатель, старший воспитатель в загородных лагерях и лесных школах, и вот уже четвёртый год преподаёт в лицее. Итак, накануне Дня учителя наш герой – Юрий Наумов.

Юрий Алексеевич до сих пор студент: после диплома бакалавра Института гуманитарного образования МГТУ поступил туда же в магистратуру, в которой начал последний год обучения, а после надеется стать аспирантом. И при этом уверен: школу вряд ли бросит – во-первых, больше нравится живое общение с учениками, чем с научными изысканиями, а во-вторых, с детьми интереснее, чем со студентами. Словом, уверен: школа – его предназначение.

– Студенты – это уже сформированное сознание, а дети ещё податливы, лучше воспринимают, а главное, жаждают узнать и понять, – начинаем разговор. – Учитель – не тот, кто объяснил тему, – это может любой. Учитель – это наставник, который направляет развитие. Мне нравится заниматься этим – в диалоге, в спорах, а дети много спрашивают – все, от пятого класса до 11-го.

История пришла в его жизнь вместе с первым учителем по этому предмету – Алексеем Николаевичем Макаровым

Юрий Алексеевич – первый педагог и вообще представитель гуманитарной сферы в своей семье. Мама отнеслась к выбору сына доброжелательно – хотя, чего уж, по сей день не может понять, как он может работать в педагогике. Вообще, сначала была мысль пойти учиться на муниципального руководителя, но мама предостерегла: «Руководить хотят все – уверен, что найдёшь работу и сможешь обеспечивать себя, семью? А учитель точно нужен всегда». Так Юрий Наумов со спокойной совестью занялся любимой историей и обществознанием.

– Более мировоззренческих предметов, формирующих сознание ребёнка, чем история и обществознание, не найти, – рассуждает наш герой. – И только через призму исторического пути нашей страны можно понять Россию и стать истинным её гражданином и патриотом.

Он смело отвечает на вопрос, каково преподавать во времена, когда страну лихорадит, – в законотворческом и историческом отношении в том числе: история – предмет о событиях, оставшихся в прошлом, а настоящим занимается публицистика.

– История и обществознание – это два потока одной реки, – продолжает мысль. – Очень простой пример: на зачёте по обществознанию любую мысль нужно отстаивать на конкретных исторических примерах. Отвечая на вопросы по истории, надо понимать повседневность того времени, правила общества, социальные нормы и так далее. Обществознание – это целый спектр предметов, мы изучаем и политику, и культуру, и экономи-

Счастье ходить на работу

Юрий Наумов

Евгений Рухмалёв



Завтра весь мир отметит День учителя

ку – от древних её проявлений до криптовалют. Наконец, понимая прошлое, можно связать его с настоящим, чтобы не сделать ошибок в будущем. Потому что история, увы, а может, наоборот, к счастью, очень циклична.

Не могу удержаться от вопроса: что, изучив Россию с этих сторон, вы можете сказать о ней... тому же иностранцу?

– Что Россия – страна чувств, и иностранцы этого не понимают – особенно западного толка, потому что они рационалисты: личное превыше общественного, разум превыше сердца... У нас наоборот, и им сложно понять, как можно отдать последнее, так ярко любить и ненавидеть вне зависимости, выгодно тебе это или нет... Думаю, такими нас сделала религия – а православие наиболее милосердная вера. Испанцам в пору великих географических открытий вера в бога не мешала ради освобождения территорий Америки продавать индейцам одеяла, пропитанные вирусом оспы. И ни один малый народ Сибири или Дальнего Востока не исчез после присоединения их к России, они до сих пор существуют, у них есть свой язык, культура... До принятия православия славянские племена были разрозненны, и именно единая религия и единый закон начали формировать единое государство.

Юрий Наумов – человек новой формации: поступив в университет, решил жить самостоятельно – и переехал в общежитие, а потом и в квартиру.

Зарабатывать пришлось начать рано: летом в детских лагерях, в учебное время – в лесных школах

Он заканчивал третий курс, когда ему под опеку дали первый «А» из академического лица.

– На каком-то мероприятии они увидели на экране саркофаг, мумии, прибежали, задавали вопросы – и я начал рассказывать им, как мумифицировали фараонов в Древнем Египте, – смеётся Юрий Алексеевич. – Классный руководитель в шоке: первый раз, говорит, вижу, что так долго слушают и не отвлекаются. Рассказала обо мне директору лицея, Людмила Николаевна Смушкевич пригласила меня и подробно «собеседовала» часа два. Расстались без обещаний – но я не расстроился: началась сессия, потом лагерь... В августе вновь звонок: приглашаем на работу. И второго сентября 2021 года вошёл в кабинет к пятому «Б». Боялся? Не то слово! Даже сфотографировал их тихонько и отправил маме с подписью: «Сейчас умру от страха!»

Поначалу он надеялся на конспекты, составленные в университете, – но сразу понял: не работает. Потому что хрестоматийные «введение, основная часть, рефлексия, подытоживание» дети легко ломают вопросами – а они бывают почти всегда. Порой даже вводят в ступор.

– На уроке про первобытное общество девочка задаёт вопрос: если они говорить не умели, как женщина сообщала мужу, что у них будет ребёнок? – улыбается Юрий Наумов. – До того момента я думал, меня ничем не сбить, – а тут... Дома сел искать ответ, нашёл, объяснил. Или: а почему египетские пирамиды именно такой формы? – и вот сижу я со своим высшим образованием и понимаю, что сам даже не задумывался никогда – опять «иду» в интернет и книги. Все дети интересные: пятиклашки – как губки, впитывают всё, потом на зачёте я буквально слышу свои фразы и

даже выражение, какими они были мною сказаны когда-то. Старшаки – нигилисты, они, наоборот, любят поспорить. Вот я говорю: рыночная экономика эффективнее. Но есть у меня один ученик, который до хрипоты настаивает, что лучше работает командно-административная.

Словом, первый интересный урок у него состоялся через две недели после начала работы: на уроке об искусстве первобытных народов они с классом от всей души рассуждали, зачем древние люди творили наскальные рисунки. И вместе пришли к выводу: это был самый первый способ коммуникаций и передачи знаний от поколения к поколению – говорить-то ещё не умели!

Сложнее было потом, когда дети понимали, что история – довольно жестокая вещь

Дети возмущались: редко на каком уроке в Древнем Риме никого не убивают – девочки даже плакали.

– Начиная объяснять, что к истории надо подходить с холодной головой, – говорит Юрий Алексеевич. – Да, история кровава, любое расширение границ – это интриги и война, а государства всегда стремились увеличить своё влияние, и надо воспринимать это беспристрастно и мыслить критически. А потом объясняю, что и в остальных аспектах неплохо бы придерживаться этих принципов: прежде чем что-то сделать, подумай, проанализируй, составь причинно-следственные связи и только потом действуй. Или, наоборот, не действуй.

Рассказываю герою, как совсем недавно услышала от своего знакомого – умного успешного человека: история – вообще не наука. «Наука – это нечто фундаментальное, не меняющееся веками, как математика. Или химия: пройдут столетия – а таблица Менделеева останется таблицей Менделеева. А историю только за последние полвека переписали несколько раз!» Юрий Алексеевич смеётся:

– У любой науки должен быть предмет исследования, и в данной связи вопрос о научности как раз к математике: каков её предмет изучения – числа и цифры? Так мы сами их придумали! А у истории – жизнь и деятельность человека в прошлом. Просто математика – наука точная: дважды два четыре – и хоть умри! А историю – да, можно «покрутить»: общество меняет взгляды, человек многогранен, восприятие субъективно...

– И, как в литературе, не люблю вот это: «Что хотел сказать этим автор?», так и в истории не принимаю, когда далёкое прошлое событие осмысливают с точки зрения современности и придают ему стратегическое значение – а оно, может, вообще случайно произошло! – переходим в формат интервью.

– Точного ответа на этот вопрос нет, но моё мнение: история циклична, подчиняется чётким законам, творец истории – человек, которого она вынесла на гребень в определённый момент. Как вынесла Минина и Пожарского, которые и сами не боялись поднять десятки тысяч человек и освободить Москву от поляков. И князю Пожарскому потом предлагали возглавить Россию, но он отказался, и это тоже личное качество – понять, что в силах взять на себя, а где должен уступить и дать решать вопрос профессионалам.

– Другой вопрос: всем известно, что учебники по истории пишут победители – войн, политических перемен, выборов... Но, чтобы быть объективным историком, необходимо услышать и сторону побеждённых, – нет?

– Я читаю и тех и других, и побеждённые, если пишут правду, не могут кардинально отличаться от мнения победителей – разве что «обставать» ситуацию немного в своей интерпретации. Ну, давайте наиболее яркий пример – нацистская Германия. Как вы понимаете, немцы-историки того времени были русофобами, а многие и сами воевали с СССР. Но даже они понимали величие победы советского народа и признавали вину в творимых ими преступлениях. Просто потом вводили мысль в другую сторону: что это поражение дало возможность народу выбрать другой вектор развития, который и создал современную, экономически эффективную Германию.

– Вы прощаете детям незнание истории?

– Я и сам знаю её не всю – это невозможно. Я не понимаю нежелание её знать. Показатель мозговой зрелости – способность воспринимать информацию: принять, обработать, взять нужную и откинуть ненужное. Нежелание – не норма, и я вызываю родителей. И чаще всего нежелание ребёнка – транслирование мыслей его родителей, а до 12 лет они – основной его социальный агент. Люблю проводить эксперименты на родительских собраниях: прошу поднять руки тех, кто уверен, что их ребёнок не выберет на ЕГЭ историю? – лес рук, особенно, в непрофильных классах. А теперь – те, кто уверен, что к 11 классу его не заставят сдавать историю? – единицы поднимают. Подытоживаю: учим всё, что я сказал.

– Вам всего 23, но таки спросу: не боитесь разочароваться в детях и избегать обзаводиться своими?

– Разочарование учителя в детях – профдеформация, которой я не приемлю: если и разочаровываться – то в родителях. Я, когда хожу по коридорам лицея, всегда подхожу с вопросом: «Как дела?» к грустному ребёнку. И чаще всего такие мне открываются – потому что я искренен. А на вопрос, почему не скажешь это родителям, чаще всего слышу в ответ: «Им не интересно, им не до меня!» И это – да, разочарование, что родители не слышат своих собственных отпрысков, не умеют или не хотят общаться с ними. А детей я очень люблю и хочу семью – не тороплюсь, но уже готов, потому что мечтаю о троих малышах – успеть всех вырастить и воспитать.

– Вы уже влюблены?

– Нет, и даже не имею определённого женского типажа – думаю, просто влюблюсь и всё. Надеюсь, это не будет коллега (смеётся). Тогда это будет довольно скучный брак: любая пара – это, прежде всего, диалог. Он рассказывает о своих проблемах – она подсказывает. Рассказывает она – помогает он. А у нас будет одна тема – ученики, никакой интриги. Я не знаю, кем она должна работать и должна ли вообще, я не против неработающей жены, хотя, мне кажется, выбирая роль домохозяйки, женщина делает хуже только себе. Работая и имея доход, она, прежде всего, более свободна в принятии решения в свою пользу – например, уйти от деспота-мужа.

– А в профессию – всё ещё влюблены?

– Да. Маловероятно, что я не стал бы учителем. Это возможно – не спорю, но очень маловероятно. Скажу так: в этом случае я совершенно точно не был бы так счастлив ходить на работу.

Рита Давлетшина